

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2023.14.93.001

Мировоззренческий фундамент аддиктивности в современном мире: социально-философский анализ (часть 1)

Равочкин Никита Николаевич

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры педагогических технологий,
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия;
профессор кафедры истории, философии и социальных наук,
Кузбасский государственный технический университет,
650000, Российская Федерация, Кемерово, ул. Весенняя, 28;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Арабули Тариел Тариелович

Независимый исследователь,
190000, Российская Федерация, Санкт-Петербург, пр. Московский, 107к3;
e-mail: taro2008@yandex.ru

Гильдт Степан Алексеевич

Студент,
Институт информационных технологий,
машиностроения и автотранспорта,
Кузбасский государственный технический университет,
650000, Российская Федерация, Кемерово, ул. Весенняя, 28;
e-mail: 224477@kuzstu.ru

Морозов Антон Михайлович

Независимый исследователь,
650000, Российская Федерация, Кемерово, ул. Весенняя, 28;
e-mail: ideology@mail.ru

Аннотация

В философии ведутся споры об основаниях человеческого поведения, а также о том, является ли человек свободным. Представители разных концепций по-своему вносят вклад в разработку данной проблематики, однако их мнения сходятся в том, что вопрос о свободе человека может быть решен в рамках его социальной природы. Вместе с тем, экзистенциально ориентированные мыслители признают наличие таких принципиальных ситуаций, оказываясь в которых, человек пытается избежать выбора. В этом усматривается связь с рефлексивно используемыми механизмами бегства от реальности, в результате чего появляется так называемое «аддиктивное поведение». В статье рассматривается феномен аддиктивности и мировоззренческие составляющие его фундамента. Определяется

влияние различных процессов на психику, способствующих формированию зависимого поведения человека. Выявляется сложностный характер аддикций, свидетельствующий о динамической природе их классификаций. Прослеживается комплексное влияние детерминант на поведенческие отклонения от конвенционально принимаемых социальных норм. Представлена специфика субстанциальных и несубстанциальных формы аддикции. В заключение первой части исследования авторы подводят промежуточные итоги по поводу современных практик потребления, приобретших масштабный характер в реалиях современного мира.

Для цитирования в научных исследованиях

Равочкин Н.Н., Арабули Т.Т., Гильдт С.А., Морозов А.М. Мировоззренческий фундамент аддиктивности в современном мире: социально-философский анализ (часть 1) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 7А. С. 113-122. DOI: 10.34670/AR.2023.14.93.001

Ключевые слова

Аддикция, мировоззрение, общество, поведение, реальность.

Введение

В философии ведутся споры об основаниях человеческого поведения, а также о том, является ли человек свободным. Представители разных концепций по-своему вносят вклад в разработку данной проблематики, однако их мнения сходятся в том, что вопрос о свободе человека может быть решен в рамках его социальной природы. Вместе с тем, экзистенциально ориентированные мыслители признают наличие таких принципиальных ситуаций, оказываясь в которых, человек пытается избежать выбора. В этом усматривается связь с рефлексивно используемыми механизмами бегства от реальности, в результате чего появляется так называемое «аддиктивное поведение».

Содержательно аддикция чаще понимается как зависимость, преимущественно приобретая негативные коннотации, ввиду чего исследователи интерпретируют ее в качестве пагубной привычки или зависимости, в результате которой индивид буквально поработается чему-либо. По нашему мнению, в представленной логике данная форма отношения человека к миру представляет собой версию деструктивного поведения, то есть такую, которая способна причинить вред как отдельному человеку, так и оказаться настоящим бичом для общества в целом. При этом следует обратить внимание на интересную мысль по поводу того, что содержательно аддикция проявляет себя в «стремлении к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния» [Матаева, Алимбетов, Еркинбекова, 2020, 51]. Это может достигаться самыми различными способами: от фармакологических с применением определенного рода препаратов и вплоть до отрешенного от реальности состояния. Частными случаями объективации вариантов первой группы аддиктивного поведения являются алкоголизм и наркомания, тогда как ко второй группе можно отнести игроманию, шоппинг и даже интернет-серфинг. Некоторые ученые высказывают, что целый ряд социальных болезней фундируется именно аддиктивными формами поведения.

Полагаем, что любая аддикция подразумевает изменение психического состояния человека, ориентированного на факты появления необходимости адаптироваться к невыносимым и порой

крайне сложным контекстуальным условиям индивидуального бытия, ведущими триггерами которого становятся реализуемая деятельность и взаимодействие людей с окружающими. В итоге, происходящие изменения детерминируют возникновение у субъекта девиантных сценариев поведения, реализуемых им в соответствующих формах – таких, которые в привычных до этого условиях не могли бы возникнуть и транслироваться в качестве актуальных, причем как для него самого, так и являться приемлемыми для большинства социальных групп и общества в целом. Резонно заметить, что аддиктивное поведение по своей сути оказывается негативной реакцией на оформившиеся в моменте условия существования человека, являясь средством ухода от реальности путем ослабления отрицательного опыта столкновения с реальностью.

Основная часть

Начнем с того, что идея зависимости несет в себе крайнюю форму социальной девиации. Смысл такого положения выводится на основании общего понимания зависимости как состояния необходимости потребления чего-либо, что воспринимается как крайне желательное для функционирования или же вовсе выживания. В ответной реакции возникает ощущение острой и непреодолимой потребности совершения того или иного поступка или выполнения конкретного действия. С.М. Даулинг трактует аддикцию как «компульсивно побуждаемую активность, характеризующуюся интенсивностью и неослабевающим упорством, относительной потерей автономии Эго, включая способность реагировать на факторы реальности и функции заботы о себе» [Даулинг, 2000, 164]. Таким образом, в современном трудно прогнозируемом мире аддикции свойственно принципиальное отличие от всех остальных форм зависимостей и оснований совершений действий: она суть девиация, сопряженная с биохимическими, органопатологическими, психологическими, психофизиологическими, социальными и другими детерминантами, ввиду чего сознательный отказ, как и желание такового, мыслятся весьма затруднительными. На наш взгляд, сложные комбинации влияющих на индивида факторов требуют отступления от монодисциплинарных стратегий изучения и отчетливо указывают на значимость всесторонних попыток осмысления обозначенной тематики. В философской оптике это задает целую панораму исследований, поскольку чрезвычайно заметна утрата аддиктом своей самости за счет прямой связи с потребляемыми объектами, говоря другими словами, теми «благами», без которых субъект не видит возможностей своего дальнейшего существования.

Кроме этого, следует сказать, что аддиктивное поведение предполагает указание на наличие в социуме тех или иных норм, которые определяют распределение моделей приемлемого поведения. Общеизвестно, что в современном мире превалирующее большинство норм принимается конвенционально и предполагает критерии, позволяющие проводить демаркационные линии среди двух полюсов «приемлемое – неприемлемое». Напомним, что суть поведенческой нормы заключается в соответствии паттернов человека разделяемым социальными группами и обществом представлениям о допустимом. Необходимо учитывать, что мир находится в развитии и нормы не являются застывшим феноменом, значит, соответствия дозволенному могут изменяться. В частности, распространенной является практика пересмотра критериев и адаптации различных этических максим к эмпирическим контекстам, поскольку онтологические сдвиги в актуальных реалиях на различных уровнях взаимодействий приобрели буквально перманентный характер, а многие коллизии по поводу субъективных интересов все чаще призывают оппонентов «согласиться о несогласии» (с

позицией другого), что задает сложные модификации, позволяющие определять критерии нормальности различных поведенческих сценариев.

Исследователи указывают на различную природу аддиктивного поведения. Одну группу составляют так называемые «субстанциальные» формы зависимого поведения, основанные на химических зависимостях человека, к которым традиционно относят алкоголь, потребляемую пищу конкретного содержания, табак, наркотические средства и так далее. Другая же группа оснований аддиктивного поведения сводится к несубстанциальным формам зависимости, выраженных скорее социальными и/или психологическими механизмами приверженности к определенному типу деятельности и неспособности его самостоятельного прекращения такового. В качестве конкретных форм проявления аддикции ученые приводят замещение реального мира виртуальным, интенции к избыточному накоплению денег, лудоманию, сексоголию, трудоголизм [Светличная, Меньшикова, Смирнова, 2018].

Мотивационный аспект аддиктивного поведения укоренен в гедонистическом удовольствии, основанном на стремлении избавиться от трудностей и проблем в реальном мире и желании получить определенный уровень гормонов счастья. Такое удовольствие предполагает немедленное и безотлагательно получение желаемого объекта, вследствие чего не подразумевает какого-либо оценивания издержек, которые субъекту придется понести за его достижение [Заика, Крейдун, Якина, 1990]. Вне зависимости от своей природы, аддикции направлены на изменение эмоционального состояния индивида, которое зачастую ошибочно связывается им с удовлетворенностью жизнью «в моменте». Формируются субъективное впечатление, подкрепленные стремлениями поиска и следования по пути наименьшего сопротивления. Так, фиксируя свои действия на конкретных вещах или действиях, человек получает возможность не обращать внимание на собственные проблемы и трудные, а то и вовсе пограничные, по мнению экзистенциалистов, ситуации.

Отвлечение внимания является естественным способом облегчения существования человека и жизни как индивидуально, так и коллективно. Однако специфика аддиктивного поведения состоит в том, что оно становится стилем жизни, то есть некоторой навязчивой идеей, определяющей модусы и принципы существования человека. При этом используемые личностью предметы или зависимости радикально измеряют его экзистенциальное измерение. По своему содержанию описанное положение дел указывает на фетишизацию конкретных предметов или поведенческих паттернов в аддикции, поскольку именно такие стимулы определяют векторы и само существование человека, масштабируя свои детерминационные и объяснительные возможности вплоть до координат целого социума. Человек в состоянии аддикции рассматривает окружающих людей в качестве предмета для манипуляции, по сути, не в полной мере осознавая (и осознавая ли?), что именно он делает. Закономерно, что искажения в картинах мира способствуют накоплению негативного отношения к аддиктам со стороны их окружения, вследствие чего отдельные персоны зачастую оказываются в сильной социальной изоляции [Менделевич, 2016].

Любопытны кейсы, репрезентирующие психологические формы оправданий для обоснования нежеланий субъектов избавляться от химических аддикций. В частности, на примере с табакокурением и оправданием стремления похудения зачастую можно наблюдать замещение одной зависимости другой. При этом для самого аддикта незаметным остается наличие двух совершенно разных оснований для зависимости и его неспособности избавиться от них. Заслуживает внимания комплекс любовных аддикций. Для их описания имеется множество вариантов воплощения данного типа зависимого поведения, которые обладают сходными признаками, главными из которых становятся психологическая неспособность или нежелание

человека находиться в одиночестве, стремление тотального контроля действий своего партнера, а также устойчивая потребность постоянного дистанцирования от второй половины.

Перечисленные выше признаки определяют психологическую неустойчивость и неспособность являться социальным существом в полном смысле слова – и это приводит к возникновению различных форм аддикций, среди которых существенными оказываются романтические и сексуальные формы зависимости [Егоров, 2015]. Не уходя в детальный разбор, имеет смысл сказать, что приверженцам этих форм аддикций свойственны сопутствующие деформирующие признаки, которые в значительной степени оказывают негативное влияние на человека, тем самым позволяя «более эффективно» поддерживать соответствующее деструктивное воздействие на плюрализм вариантов поведения, да еще существенно обедняя их. Отметим, что определяющей здесь оказывается совокупность именно психологических оснований. Физиологические и химические результаты такой аддикции являются лишь следствием, производным по отношению к интеллектуально-психологических составляющих такого подчинения. При этом именно на мировоззренческом уровне перманентно поддерживаются связи между дисфункциональными эмоциональными состояниями и принципами удовольствия. Примечательно, что субъекты оказываются неспособными к участию в реальных формах интимной близости (во всех смыслах), чем наносят вред не только себе, но и тем, с кем они вступают в подобные невротические отношения.

Актуальной среди несубстанциальных форм становится аддикция от технических средств, или гаджетов, едва ли не любой природы. Чаще всего речь идет о смартфонах, компьютерной технике и телевидении. В этом смысле одной предпочтительных полагается интернет-зависимость, которая, по мнению некоторых ученых, выступает формой ухода от реальности в пользу качественно другого многообразия социальных и персональных отношений в сети из-за применения различных технических устройств. Одной их исходных в данном случае становится проблема снижения качества выполняемой деятельности и падение ее интенсивности на индивидуальном и коллективном уровнях [Бойков, 2014].

В самом общем виде возникает психическое расстройство, объективированное через навязчивое желание подключиться к Глобальной сети при одновременной неспособности отключиться вовремя. Формы проявления такой психологической патологии оказываются различными и, казалось бы, банальные аддикции по поводу продуцируют новые: информационная перегрузка, патологическая привязанности к азартным играм, зависимости от виртуальных отношений в определенных онлайн-сообщества и даже киберсекса – многочисленные болезненные и деструктивные формы поглощения и обсуждения соответствующего контента [Чухрова, Ермолаева, 2012]. Разумеется, данный несубстанциальный вид зависимого поведения способен в итоге привести к ряду физиологических и социальных последствий. Среди первых ученые выделяют утрату аддиктом собственного состояния в координатах материального мира, что выражается в отсутствии адекватного ощущения голода, усталости, повышении уровня раздражительности при отсутствии удовлетворения круга релевантных потребностей [Мартехин, 2012]. Вторая группа последствий выражена в ведении асоциального образа жизни, утрате имеющихся связей и отношений, использовании такой терминологии, которая мало или совсем не понятна окружающим. Самоочевидно, что такой субъект становится крайне несамостоятельным и неспособным отстаивать себя из страха быть отвергнутым людьми, в том числе и по причине нежелания принятия на себя ответственности.

Рассмотрев некоторые субстанциальные и несубстанциальные формы аддикции, вне зависимости от их природы, можно говорить о том, что целью для достижения тех или иных

комбинаций удовольствий современные индивиды руководствуются различными принципами ухода от реальности. Человеческая психика в значительной степени подвергается избыточному давлению со стороны перманентно усложняющейся действительности, что заставляет конкретного индивида изыскивать способы ухода от такого пресса – и в этом проявляется имеющееся многообразие форм зависимого поведения. Механизмы психической деятельности и, как следствие, социального существования также можно использовать для контроля над поведением человека. По сути, удовольствия все чаще воспринимаются в качестве оснований и рычагов для манипулирования целыми социальными группами.

В своем изучении аддиктивного поведения В.В. Корнев указывает на его связь с идеями Ж. Бодрийяра о симуляции современного общества и механизмами управления поведением человека в различных условиях. Ученый проводит анализ ряда социальных феноменов, которые так или иначе определяют мотивацию действий и поступков человека, причем наглядно показывается, каким образом они изменяется в зависимости от времени и укорененности манипулятивных механизмов [Корнев, 2005]. Итак, одним из ведущих оснований аддиктивности в современном обществе выступает феномен потребления, который базируется на механизмах сложных социокультурных процессов. Уже упомянутый Ж. Бодрийяр, а также Г. Маркузе сводят консюмеристские практики к эксплуатации утилитарных человеческих потребностей. Тем не менее, распространенным оказывается положение о естественности последних, а благодаря искусству позиционирования и продвижения товаров и услуг формируется целый класс предметов, которые становятся чем-то большим, чем просто вещи, что позволяет категорировать их как объекты, обладающие множеством навязанных и приписанных социальных свойств.

Важно указать, что сама идея зависимости и подчинения закладывается классиками фундаментальной социологии в идею самого процесса потребления. Т. Веблен предлагает идею о двух видах рассматриваемого явления: демонстративную расточительность и потребление по доверенности. Суть первого сводится им к идее, согласно которой имеющийся избыток средств тратится впустую, однако человек получает удовольствие не столько от того, что приобрел необходимую для него вещь или предмет, сколько от количества наблюдающих за этим людей [Веблен, 1984]. Налицо возникновение фундаментальных зависимостей индивидов от внешнего восприятия их трат. Интерпретацию другого типа потребления предлагает Ж. Бодрийяр: «Даже если первоначальной функцией подчиненных классов является работа и производство, одновременно они выполняют функцию утверждения *standing'a* (ранга, положения, статуса) Хозяина (каковая функция становится единственной, если эти классы содержатся в праздности). Женщины, “люди”, челядь также являются показателями статуса. Эти категории людей могут что-то потреблять, но лишь во имя Хозяина, свидетельствуя посредством своей праздности и избыточности в пользу его величия и богатства» [Бодрийяр, 2003, 11]. Таким образом, в потреблении по доверенности речь идет в первую очередь о стремлении человека к достижению определенного статуса, но никак не об удовлетворении реальных потребностей. Статус предстает здесь в одной из своих узких трактовок, то есть выступает определяющим фактором поведения и желанием обозначения индивидом своей принадлежности некоторого места, им занимаемого в социальной иерархии.

Заключение

На наш взгляд, именно второй тип наиболее полно позволяет описать практики приобретения дорогих и сверхдорогих покупок, проведения избыточно шикарных презентаций,

расходов на такие предметы, без которых абсолютное большинство людей, относящихся к самым различным социальным группам, спокойно обходятся в повседневной жизни. По сути, человек приобретает новый уровень аддикций: на место химических детерминант и социально приемлемых форм поведения становятся новые модели более высокого уровня, обусловленные психологически и экономически. Действительно опыт современных реалий свидетельствует, что именно такой принцип все чаще занимает центральное положение. Потребление само по себе теряет свои привычные связи с удовольствием, а порой и вовсе не имеет с ним ничего, поскольку «является принудительным социальным институтом, который детерминирует типы поведения еще до того, как он будет воспринят сознанием социальных актантов» [Бодрийяр, 2003, 11]. Отсюда можно выделить ряд оснований, в соответствии с которыми потребление не имеет прямого отношения с потребностями:

- консюмеристская психология может прекрасно реализовываться в условиях экономического спада, что обусловлено экспансией транснациональных компаний, осваивающих рынки сбыта по всему миру. Поскольку меньшая часть человечества вполне может обеспечить реализацию потребностей подавляющего большинства населения всего мира, речь идет уже не о том, может ли человек купить товар, но о его желаниях сделать это. Как следствие, в обществе всемирного потребления принципиальным оказывается именно психологическое воздействие на человека, формирование в нем субъекта – активного потребителя, руководствующегося желаниями получить товары, которые по своей сути не являются столь необходимыми;
- факторы, препятствующие экономическому росту, не могут сдерживать производство бесполезных вещей, цель которых сосредоточена исключительно на чистых тратах. Потребляется не функциональность, а статусность, которая различными способами привлекает внимание к во многом бесполезным товарам. В первую очередь удовлетворение связано с желанием обретения статуса, но не реализации потребности. К примеру, представление товара средствами рекламы осуществляется при помощи роликов, непосредственно к нему не относящихся. Налицо происходит апелляция к пустым знакам, не имеющим в реальности реального референта;
- использование ресурсов самого желания потреблять. Смысл данного положения укоренен в психологии, поскольку такая потребность сама по себе не существует, но мыслится в качестве социально-культурного конструкта: «Потребность мотивируется с самого начала в плане желания, то есть чего-то такого, что обречено у человека на определенного рода связь с означаемым» [Лакан, 2004, 255]. Происходит слом принципа целесообразности в процессе потребления, а значит, определяющим становится идея о принуждении к консюмеризму как явлению, имеющему различные детерминанты. Вдобавок к этому, определяющим становится предпочтение первичных потребностей вторичным, но никак не свобода выбора.

Библиография

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003. 272 с.
2. Бойков А.Е. Первичная профилактика различных видов зависимостей детей и подростков в образовательной среде // Молодой ученый. 2014. № 3. С. 871-874.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
4. Даулинг С.М. Психология и лечение зависимого поведения. М.: Класс, 2000. 240 с.
5. Егоров А.Ю. Любовные аддикции // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. Т. 11. № 2. С. 64-81.

6. Заика Е.В., Крейдун Н.П., Якина А.С. Психологическая характеристика личности подростка с отклоняющимся поведением // Вопросы психологии. 1990. № 4. С. 83-90.
7. Корнев В.В. Вещь как объект – причина желания // Вестник Томского университета. 2005. № 287. С. 41-44.
8. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI). М.: Гнозис/Логос, 2004. 304 с.
9. Мартехин А.А. Интернет-зависимое поведение и перегрузка информацией // Северо-Кавказский психологический вестник. 2012. Т. 10. № 3. С. 24-27.
10. Матаева Г., Алимбетов К., Еркинбекова М. Понятие аддиктивного поведения // The scientific heritage. 2020. № 45. С. 50-52.
11. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. М.: Городец, 2016. 385 с.
12. Светличная Т.Г., Меньшикова Л.И., Смирнова Е.А. Феномен зависимости: терминологический анализ // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 1 (59). С. 1-5.
13. Чухрова М.Г., Ермолаева А.В. Интернет-зависимость как вариант аддиктивного поведения // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33). С. 231-234.

Worldview foundation of addictiveness in the modern world: socio-philosophical analysis (part 1)

Nikita N. Ravochkin

Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Professor of Pedagogical Technologies Department,
Kuzbass State Agricultural Academy;
Professor of History, Philosophy and Social Sciences Department,
Kuzbass State Technical University,
650000, 28, Vesennyaya str., Kemerovo, Russian Federation;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Tariel' T. Arabuli

Independent Researcher,
190000, 3, 107, Moskovskii ave., St Petersburg, Russian Federation;
e-mail: taro2008@yandex.ru

Stepan A. Gil'dt

Student of the Institute of Information Technologies,
Mechanical Engineering and Motor Transport,
Kuzbass State Technical University,
650000, 28, Vesennyaya str., Kemerovo, Russian Federation;
e-mail: 224477@kuzstu.ru

Anton M. Morozov

Independent Researcher,
650000, 28, Vesennyaya str., Kemerovo, Russian Federation;
e-mail: ideologie@mail.ru

Abstract

In philosophy, there are debates about the foundations of human behavior, as well as whether man is free. Representatives of different concepts contribute in their own way to the development of this issue, but their opinions agree that the issue of human freedom can be resolved within the framework of its social nature. At the same time, existentially oriented thinkers recognize the existence of fundamental situations in which a person tries to avoid making a choice. This is seen as a connection with the reflexively used mechanisms of escape from reality, resulting in the so-called “addictive behavior.” The article deals with the phenomenon of addiction and the ideological components of its foundation. The influence of various processes on the psyche that contribute to the formation of dependent human behavior is determined. The complex nature of addictions is revealed, which indicates the dynamic nature of their classifications. There is a complex influence of determinants on behavioral deviations from conventionally accepted social norms. The specificity of substantial and non-substantial forms of addiction is presented. In conclusion of the first part of the study, the authors summarize intermediate results on modern consumption practices that have become widespread in the realities of the modern world.

For citation

Ravochkin N.N., Arabuli T.T., Gil'dt S.A., Morozov A.M. (2023) Mirovozzrencheskii fundament addiktivnosti v sovremennom mire: sotsial'no-filosofskii analiz (chast' 1) [Worldview foundation of addictiveness in the modern world: socio-philosophical analysis (part 1)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (7A), pp. 113-122. DOI: 10.34670/AR.2023.14.93.001

Keywords

Addiction, worldview, society, behavior, reality.

References

1. Baudrillard J. (2003) *K kritike politicheskoi ekonomii znaka* [For a Critique of the Political Economy of the Sign]. Moscow: Biblion-Russkaya kniga Publ.
2. Boikov A.E. (2014) Pervichnaya profilaktika razlichnykh vidov zavisimosti detei i podrostkov v obrazovatel'noi srede [Primary prevention of various types of addictions in children and adolescents in the educational environment]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 3, pp. 871-874.
3. Chukhrova M.G., Ermolaeva A.V. (2012) Internet-zavisimost' kak variant addiktivnogo povedeniya [Internet addiction as a variant of addictive behavior]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2 (33), pp. 231-234.
4. Dowling S.M. (2000) *Psikhologiya i lechenie zavisimogo povedeniya* [The Psychology and Treatment of Addictive Behavior]. Moscow: Klass Publ.
5. Egorov A.Yu. (2015) Lyubovnye addiksii [Love addictions]. *Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii* [Bulletin of psychiatry and psychology of Chuvashia], 11, 2, pp. 64-81.
6. Kornev V.V. (2005) Veshch' kak ob"ekt – prichina zhelaniya [A thing as an object is the cause of desire]. *Vestnik Tomskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk University], 287, pp. 41-44.
7. Lacan J. (2004) *Chetyre osnovnye ponyatiya psikhoanaliza (Seminary: Kniga XI)* [The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis]. Moscow: Gnozis/Logos Publ.
8. Martekhin A.A. (2012) Internet-zavisimoe povedenie i peregruzka informatsiei [Internet-addictive behavior and information overload]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik* [North Caucasian Psychological Bulletin], 10, 3, pp. 24-27.
9. Mataeva G., Alimbetov K., Erkinbekova M. (2020) Ponyatie addiktivnogo povedeniya [The concept of addictive behavior]. *The scientific heritage*, 45, pp. 50-52.
10. Mendeleevich V.D. (2016) *Psikhologiya deviantnogo povedeniya* [Psychology of deviant behavior]. Moscow: Gorodets Publ.

11. Svetlichnaya T.G., Men'shikova L.I., Smirnova E.A. (2018) Fenomen zavisimosti: terminologicheskii analiz [The phenomenon of dependence: terminological analysis]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social aspects of population health], 1 (59), pp. 1-5.
12. Veblen T. (1984) *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress Publ.
13. Zaika E.V., Kreidun N.P., Yakina A.S. (1990) Psikhologicheskaya kharakteristika lichnosti podrostka s otklonyayushchimsya povedeniem [Psychological characteristics of the personality of a teenager with deviant behavior]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 4, pp. 83-90.